

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

*"...ПЛАТАНРОГА
Я НЕ МИНУЮ..."*

Детские и юношеские годы
А.П.Чехова

РОСТОВ-НА-ДОНУ

2004 год

Издание для слабовидящих

Автор текста и составитель
Е. И. Соколова

Компьютерная вёрстка:
Е. И. Соколова

Фотографии:
Е. П. Молодожникова

Отв. за выпуск И. К. Ермоленко

Тираж: 5 экземпляров

Отпечатано в
Областной специальной
библиотеке для слепых

Адрес:
344, г. Ростов-на-Дону,
ул. Темерницкая, № 50

Телефон: 240-79-56

*Чтобы понять поэта,
надо побывать на его родине.*

И.Г.Гёте.

*Местоположение города
прекрасное во всех отношениях,
климат великолепный, плодов
земных тьма, но жители инертны
до чёртиков... Все музыкальны,
одарены фантазией и остроумием,
чувствительны, но всё это
пропадает даром...*

А.П.Чехов.

...Город, в котором родился Антоша Чехов, был обычным заштатным городом Российской империи. Правда, в нём прожил свои последние дни император Александр I, и некоторое время он являлся как бы столицей государства. Жители это помнили хорошо. Каждый год 19 ноября гимназистов собирали на панихиду в местном соборе. Раскинутый у моря парк, большой и пустынный, тоже напоминал о том времени.

Очень старые люди рассказывали, как по дорожкам будто бы гуляла в одиночестве царица Елизавета Алексеевна, оставляя на песке следы маленьких золочёных туфельек...

ГОРОД

Утопая в ярких лучах южного солнца, широкой дугой раскинулся на берегу Азовского моря старинный портовый город Таганрог. Белоснежными парусами яхт у набережной, гостеприимством морского и железнодорожного вокзалов, уютном тенистых зелёных улиц встречает он каждого желающего познакомиться с его достопримечательностями.

Основанный в 1698 году по приказу Петра I как крепость и порт "*Таганий рог*", город застраивался по специально разработанному плану.

И сейчас прямые таганрогские улицы, как и в стародавние времена, тянутся к порту. И освежающее дыхание моря, и плеск его голубовато-зелёных волн всё так же волнуют воображение романтиков.

По-прежнему неизменными остались некоторые роскошные особняки и маленькие домики на старых улицах Таганрога в густой зелени каштанов, тополей и белых акаций.

Однако известен город не только этим. Таганрожцы бережно хранят в памяти имена замечательных людей, которые жили или бывали здесь. Среди них Пушкин и Маяковский, Чайковский и Мусоргский, Паустовский и Василенко, Куинджи и Савицкий, Гарибальди и Шмидт...

Но особенно дорого горожанам имя Антона Павловича Чехова.

Он появился на свет и провёл здесь 19 лет – почти половину отмеренного ему судьбой срока. Именно в Таганроге перед его глазами со всей остротой раскрывались социальные противоречия российской действительности.

Здесь, в окрестностях города, в красоте родной природы, в бескрайних просторах степи перед юным Чеховым впервые вставала РОДИНА.

Да что там говорить, если, уже прожив большую жизнь и изрядно постранствовав по свету, он не единожды выражал своё желание поселиться на склоне лет не в Ницце и не в Ялте, а в Таганроге!

В невозвратное прошлое, отделённое от нас полуторачковым рубежом, ушло то время, когда в Таганроге жил Антон Павлович. Приметы, детали той далёкой жизни всё более и более меркнут, и нам всё труднее, сопоставляя век позапрошлый, прошлый и нынешний, находить черты и свидетельства того быта и той атмосферы, в которой жили ушедшие поколения. И всё-таки попытаемся приблизить к нам прошлое, чтобы представить себе российскую провинцию середины XIX века.

Небольшой южный город, омываемый с трёх сторон волнами тёплого Азовского моря. Ему, морю, город обязан своим возникновением; с ним связана вся жизнь таганрожцев.

...Море было всюду. Оно притягивало, манило к себе и в будни, и в праздники, и в ненастье, и в жаркую пору...

...Закатывалось солнце, медленно оседала поднятая за день горячая пыль на Ярмарочной площади по соседству, и

тогда ясно виднелось море. Зачарованно смотрели братья Чеховы, как из-за горизонта выплывали, будто из-под земли, верхушки мачт, потом появлялся и сам корабль с неясными в дымке очертаниями, и мальчишкам казалось, что этот сказочный корабль плывёт к ним навстречу из далёкой, неведомой страны, где жизнь совсем иная, чем здесь, – чудесная и добрая...

Ближе всего было спуститься по Каменной – в 142 ступеньки – лестнице или по Банному спуску. Антоша предпочитал лестницу: главное, веселей! И потом: пока бежишь, можно думать о чём-нибудь своём, тайном и интересном!

Здесь, возле моря, забывались все горести и обиды, дышалось легко и свободно. Мир, наполненный солнцем и ветром, неповторимым солёным запахом, криками чаек, казался прекрасным и радостным. Здесь можно делать то, к чему лежит душа, здесь некому ругать за невыученные уроки, за недостаточное усердие во время дежурства в лавке, за нежелание петь в церковном хоре.

Таганрог – вокруг себя и в себе – Чехов и любил, и ненавидел. Он любил приволье моря, бухту, где ловил бычков, тишину зелёных улиц, тёплый, ласковый воздух юга. Любил друзей по гимназии и по возникшему увлечению театром. Любил своих семейных и родню, вроде дядюшки Митрофана Егоровича...

Но не любил затхлость узкой среды, торгашеские расчёты отца, заискивание перед богатыми людьми, ощущение сословной *"второсортности"*, каждодневное унижение достоинства дома, в гимназии и в церкви.

Впечатления, проблеснувшие в детстве; согревавшие и ранившие в отрочестве; впервые осмысленные в юности, оставались запасом на всю жизнь. То, что оскорбляло и мучило, стало со временем предметом творчества, воплотилось в фигуры и лица, заблестало волшебными красками.

К концу XVIII века Таганрог, утратив бывшее значение военно-морской базы, превратился в крупный внешнеторговый порт.

И к середине века XIX Таганрог – оживлённый город резких социальных контрастов: роскошных купеческих особняков и убогих глинобитных лачуг, город преуспевающих торговцев и обездоленного трудового люда. Через порт проходило тогда около половины товаров, поступавших в южные порты России. В гавани теснились русские и иностранные грузовые и парусные суда. Бесконечной вереницей тянулись подводы с пшеницей, маслом, салом, льняным семенем, с антрацитом.

Огромный доход давала таганрогским купцам и контрабанда, почти узаконенная местными властями. Наличие миллионов в кармане, крупная торговля в Европе и мелкие сделки с совестью, по меткому замечанию старшего брата Александра, шли у этих господ рука об руку и друг другу не мешали...

Длинная Полицейская улица, на которой родился Антон, одним концом упиралась в грязную площадь, другим выходила на высокий обрывистый морской берег. Из второго этажа ещё одного дома Чеховых был виден рейд.

В разгар навигации *"в гавани было не продыхнуть"*. У кофеен собирались толпы моряков из самых разных стран, торговавших в то время с Россией.

Каждого приезжающего в те годы в Таганрог поражала одна его экзотическая особенность – населённость иностранцами. Кого здесь только не было: греки, турки, французы, итальянцы, голландцы, немцы. Об этом разнообразии народонаселения свидетельствуют и старые названия улиц: Иерусалимская, Католическая, Греческая, Итальянский переулок. Недаром же один из современников назвал тогдашний Таганрог *"маленьким Эльдorado"*.

Греки были самыми богатыми людьми в городе, а некоторые – Вальяно, Алфераки, Депальдо – так самыми настоящими графами Монте-Кристо.

Достопримечательностью считалось огромное количество церквей – более десяти православных, римско-католическая и протестантская, синагога, часовни, один монастырь. Кроме этого соборы – Успенский, Греческий...

И имел Таганрог ещё один лик – степной.

За городом было множество балок. Весною они превращались в бурные речки. За старым кладбищем начинались засеянные поля. И – до самого горизонта – степь.

В степи стояли курганы. Больших, впрочем, не было – самый высокий метров пять. Но и с них обзор получался хороший.

"Донецкую степь я люблю, и когда-то чувствовал в ней себя как дома и знал там каждую балочку". Это была пригородная, *"домашняя"* степь.

Настоящая степь начиналась дальше, верстах в сорока от Таганрога; её Антон видел, когда отправлялся с братьями на лето в деревню к деду – графскому управителю.

Приехав в родные места уже известным драматургом, он напишет: *"Когда я вспоминаю, как ездил на волах в Криничку и Крепкую графа Платова, то мне становится грустно и жаль, что в Таганроге нет беллетристов и что этот материал, очень милый и ценный, никому не нужен..."*

Но всё это оказалось очень нужным ему самому: *"Кто хоть раз в жизни поймал ерша или видел осенью прелестных дроздов, как они в ясные прохладные дни носятся стаями над деревней, тот уже не городской житель, и его до самой смерти будет потягивать на волю"*.

Донская природа для Чехова – часть его существования.

Прилёт птиц – крупнейшее событие!

Возможность спокойно наблюдать целый месяц солнце от восхода до заката – небывалое счастье!

Всем этим он обязан своему степному детству.

От *"любой Чухломы или Каширы"* Таганрог отличался рядом особенностей, свойственных южному городу, да ещё такому, который почти целый век находился в центре торгового мира. Хозяевам жизни были нужны образованные и культурные люди, обслуживающие их интересы. И таганрогская гимназия, например, представляла собой очень авторитетное учебное заведение окраины России и давала солидное по тем временам образование.

Окончившие восемь классов молодые люди могли без экзаменов поступить в любой российский университет или поехать учиться за границу. Гимназия имела библиотеку, физический кабинет, метеорологическую станцию, отправлявшую свои наблюдения в Санкт-Петербургскую Академию наук!

А меломан-миллионщик Алфераки содержал за свой счёт итальянский оркестр, игравший всё лето в городском саду. Вход в сад был бесплатным.

Предметом особой гордости купцов-хозяев был таганрогский театр – совершенно необычное для русской провинции явление.

Гастролировали артисты Варшавской консерватории, Национального театра Франции, а итальянскую оперу отцы города закупали вообще на весь сезон.

Сохранившимся театральным афишам того времени могли бы позавидовать обе столицы.

Человеку, отмеченному Божьей искоркой, такого *"краешка"* Европы было достаточно. И со временем молодой Чехов будет удивлять современников: откуда у юноши из провинции такой врождённый вкус к изяществу и европейским нормам жизни?

СЕМЬЯ

В 1844 году из глухой воронежской деревни в Таганрог приехал вместе с семьёй дед Антона Павловича – Егор Михайлович Чехов.

Дела у него, судя по всему, шли неплохо – сумел выкупить на волю всю свою семью – шесть душ. За каждую – 700 рубликов. Не хватило на одну дочку. Помещик Чертков подумал-подумал и махнул рукой: *"Так уж и быть, бери в придачу..."*

Тут, наверное, просто повезло: известный историк, археолог и публицист, президент Общества истории и древностей российских, основатель библиотеки в Москве, А.Д.Чертков слыл либералом, активно поощрял участие крестьян в промышленной и торговой деятельности. И он трижды – в

1831-ом, 34-ом, 41-ом годах – отпускал своих крепостных на волю...

Человек предприимчивый и целеустремлённый, Егор Михайлович вскоре сумел пристроить своих детей к делу: старшего сына Михаила отдал учиться в Калугу переплётному мастерству, Митрофана – приказчиком к купцу в Ростов, а Павла устроил *"мальчиком"* на службу к таганрогскому купцу и городскому голове Кобылину.

А сам Егор Михайлович купил в Таганроге домовладение и устроился служить управляющим обширными имениями графа Платова в слободу Крепкую.

Сын Павел, приступая к службе у купца, был преисполнен радужных мечтаний; надеялся в скором времени создать свой собственный капитал. В успехе не сомневался – знал свою аккуратность в делах, умение добросовестно выполнять поручения хозяев. Ведь с 16 лет он помогал отцу на сахарном заводе, гонял для продажи в Москву гурты помещичьих быков, обучался коммерции и даже в церковно-приходской школе выучился петь по нотам, играть на скрипке и недурно писать иконы!

Вообще-то, Павел Егорович Чехов был коммерсантом по профессии, а по душе – художником и больше всего тянулся к искусству. И, забегая вперёд, отметим, что главным его увлечением станет церковный хор (набранный, почему-то, из кузнецов). Он сам будет руководить этим хором, отнимавшим массу времени в ущерб торговым делам.

Вот такая многогранная личность! Но это ещё в будущем.

А пока молодым его мечтаниям и надеждам пришлось выдержать тяжкие испытания. Целых 13 лет прослужил Павел в колониальном магазине Кобылина, прежде чем получил возможность начать самостоятельное дело и *"подать документы об увольнении из мещанского сословия и о приписке к купеческому"*.

Помогло и ещё одно начинание. Сохранились тому некоторые свидетельства. Павел Егорович принял посильное участие в Крымской кампании 1853-56 годов. Вместе с милли-

онером Алфераки, поэтом Кукольником и ростовским головой Байковым он организовывал поставки продуктов питания в действующую армию; что, вроде бы, принесло неплохие доходы...

К этому времени брат Митрофан уже давно жил здесь, в Таганроге. В его доме Павел и познакомится с дочерью торговца сукном Евгенией Морозовой.

В 1854 году состоялось венчание.

Евгеньюшка получила неплохое по тем временам образование в частном пансионе благородных девиц. По характеру была очень мягкой и терпеливой.

Молодая семья сняла маленький, в три комнатки, домик во владениях купца Гнутова. Неподалёку на Петровской площади расположилась бакалейная лавочка. Как и его отец, Павел Егорович поставил себе целью жизни – стать независимым человеком.

Полный надежд и энергии, в сопровождении верной супруги и сыновей Александра и Николая переехал в арендованный флигель тридцатитрёхлетний купец третьей гильдии Павел Егоров Чехов.

Этот маленький глинобитный домик – флигелёк в глубине двора – на Полицейской улице (ныне – им.Чехова) нам особенно дорог. Именно здесь 17/29 января 1860 года родился будущий великий писатель.

(Впрочем, может быть, он родился не в самый день Св. Антония, а накануне, то есть 16 января, и нарекли его, как часто бывало, в честь святого следующего дня. Во всяком случае, в двух своих последних письмах Чехов называет днём рождения именно 16-е).

В одном из писем он упоминает о месте своего рождения, предполагая, что дома этого, вероятно, уже нет. Вряд ли думал Антон Павлович, что его колыбель – "флигель" – не только уцелеет, но и будет бережно сохранена таганрожцами, которые уже в 1910 году установили на домике мемориальную доску.

Скромный, малозаметный с улицы, этот домик и сегодня приветливо смотрит на мир окошками с зелёными ставнями.

Совсем рядом находился Успенский собор, что было также немаловажно для Павла Егоровича, ревностного прихожанина.

В этом соборе и крестили маленького Антошу.

В церковной метрической книге сохранилось забавное упоминание, что *"восприемником был таганрогский купеческий брат Спиридон Фёдоров Титов"*. Много лет спустя Чехов в разговоре с Иваном Андреевичем Бунинным хвастался: *"Вот. Вас генерал Сипягин крестил, эка невидаль! А вот меня – купеческий брат Титов. Слыхали такое звание? Верно, на всю Россию один..."*

В 1933 году в *"Домике Чехова"*, как называют его таганрожцы, открылся мемориальный музей. Скромная обстановка комнат, воссозданная по воспоминаниям родных и близких Чехова, поражает посетителей простотой, граничащей с бедностью. В музее обращают на себя внимание иконы, висящие во всех его маленьких комнатах. Есть – и писанные главою семьи.

Павел Егорович был человеком глубоко верующим, часто устраивал моления у себя дома, в гостиной – самой большой комнате. На угловом столике лежит церковная книга – Четьи-Минеи – описание жизни святых. Отец читал её вслух домочадцам. Так же обстоятельно, от первой до последней страницы, читал он и местные газеты.

С прибавлением семейства домик сразу становится тесным – в трёх небольших комнатах надо было разместить шесть человек. Дверь в детскую, отданную старшим сыновьям, пришлось закрыть и у дверей поставить кроватку новорождённого.

Больше хлопот появилось и у няни, Агафьи Александровны, поселившейся здесь же, в детской, на сундуке.

С постройкой в Таганроге железной дороги вся торговля с Петровской площади перешла ближе к вокзалу, на Ярмарочную площадь. В этот район города переезжает семья Чехова, купца уже второй гильдии.

А купцом Павел Егорович был уважаемым. В его доме царил строгий порядок, определённый уклад.

"В то время... - вспоминал младший сын Михаил, - мы жили в доме Моисеева на углу Монастырской улицы и Ярмарочного переулка, почти на самом краю города, в том доме, где лавка. Под вывеской "Чай, сахар..." немного ниже: "Распивочное и на вынос". Сие означало, что при лавке есть погребок с сантуринским и водкой".

Лавочка Павла Егоровича торговала с раннего утра до позднего вечера. Хотя в ней работали нанятые мальчишки, отец часто отправлял туда и собственных сыновей "для присмотру".

День братьев Чеховых начинался в 5 часов утра.

Подрастающих детей своих Павел Егорович заставлял обязательно участвовать в хоре. С большой грустью вспоминал об этом Антон: *"...когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пели трио...на нас все смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками".*

Увлечение искусством не мешало Павлу Егоровичу придерживаться в воспитании детей старинных привычек – порки считались самым обычным явлением, как и в других купеческо-мещанских семьях.

Впоследствии братья так и не простят полностью отцу его жестокого и несправедливого отношения. Хотя внешне сами дети относились к родителю с подобающим почтением. Бунтов в семье не наблюдалось.

Грустную сценку из детских лет Антоши описал в своих воспоминаниях Александр Чехов: *"Мигает сальная свеча, с которой приходится то и дело снимать щипцами нагар. Отворяется дверь и в комнату входит Павел Егорович, в шубе и в глубоких калошах.*

- Тово, - говорит он, - я сейчас уйду по делу, а ты, Антоша, ступай в лавку.

У мальчика навёртываются на глазах слёзы, и он начинает усиленно мигать веками...

- Назавтра уроков много...

- Уроки выучишь в лавке... Ступай, да смотри там хорошенько...

Антоша с ожесточением бросает перо...напяливает на себя с горькими слезами ватное гимназическое пальто и кожаные рваные калоши и идёт вслед за отцом..."

Без разрешения отца в доме ничего не делалось. Бегать нельзя, потому что "сапоги побьёшь"; шалить запрещалось оттого, что "балуются только уличные мальчишки"; играть с товарищами – пустая и вредная забава, "товарищи Бог знает чему научат"...

"В детстве у меня не было детства", - отмечал с горечью писатель.

С самых ранних лет Чехов был погружён в быт. Хозяйство целиком вела Евгения Яковлевна. А помогали дети, и чаще всего Антон, как самый безотказный. "Куда послать, что поручить – всё Антоша делал", - вспоминала его тётка М.И.Морозова. Он ходил на базар за провизией (что в мало-мальски обеспеченных, даже мещанских семьях было делом кухарки), убирал квартиру, заправлял керосином лампы, носил воду, даже белил комнаты. Сам стирал себе воротнички для гимназической формы. Вряд ли кому из больших русских писателей – до Горького – приходилось заниматься этим с детства.

Иван Бунин, например, вынужденный для учёбы в гимназии уехать из родительского имения и поселиться на квартире, где он "сам должен был чистить своё платье и башмаки и стелить свою постель", воспринимал подобный факт как верх унижения.

...Отец улыбался редко. Казалось, что выражение озабоченности никогда не покидает его лица. Каждое утро он спускался на первый этаж деревянного дома и отпирал дверь лавки, над которой красовалась вывеска:

ЧАЙ, САХАРЪ, КОФЕ, МЫЛО, КОЛБАСА
И ДРУГИЯ КОЛОНИАЛЬНЫЯ ТОВАРЫ

Продавать товары, которые назывались колониальными, было, вероятно, делом очень важным и трудным, потому что когда отец, стоя за прилавком, отвешивал фунт колбасы или заворачивал в бумагу кусок мыла, лицо его становилось особенно мрачным. Болтливые покупатели словно оскорбляли его. На их расспросы отвечал нехотя, глядя в сторону.

Возвращался Павел Егорович наверх уже к самому вечеру. Супруга собирала на стол. И вся семья должна была чинно сидеть рядом.

Хмурый от усталости, отец ел медленно, потом щёлкал на счётах. А потом также медленно читал вслух газету, изредка отрываясь, чтобы проверить, все ли домашние внимательно слушают. Эти ежевечерние ритуалы выполнялись неукоснительно. И какими они были тяжкими. Кроме раздражения, ничего не вызывали.

Павел Егорович был человеком суровым и неудивительно, что мечта всех детей сводилась к одному: вырваться отсюда как можно скорее!

Однако, справедливости ради, следует сказать, что деспотизм отца в жестокость бессмысленную никогда не переходил. Антоша и Саша считали отца деспотом и самодуром; а вот Миша, Ваня и Маша пишут о том, что семья Чеховых была *"самой обычной патриархальной, каких в провинции не счесть"*. И отец, по их версии, *"вёл себя не хуже и не лучше многих других"*. (В театр, во всяком случае, отпускал без проблем.)

А все поступки были продиктованы убеждённостью: его самого так учили – и вот, в люди вышел. И детей учить надо, стало быть, так же.

Правда и то, что домочадцев своих Павел Егорович любил; заботился о благополучии и престиже. Стремился быть на виду в таганрогском обществе. А так как семейство быстро увеличивалось, то приходилось постоянно менять местожительство – снимать квартиры попросторнее. Но! Обязательно в центре города! Пускай *"все видют: Чеховы – не халам-балам! Купцы первостатейные!"*

Так что годы раннего детства Антона Павловича связаны с переездами и сборами. Отсутствие обыкновенного домашнего гнезда, естественно, благоприятно не сказывалось.

Могли ли родители в таких условиях уделять детям достаточно внимания?

А ещё именно в первое десятилетие Антоши Евгения Яковлевна пребывала в постоянных заботах о вновь рождавшихся детях; старших сыновей приходилось частенько отправлять к близким и дальним родственникам.

Больше всего маленькому Антошке нравилось бывать у дядюшки Митрофана Егоровича.

В Таганроге Митрофан Чехов был и гласным, и торговым депутатом; попечителем начальных школ и старостой церкви; корреспондентом Афонского монастыря в Греции и создателем Таганрогского благотворительного общества, имевшего целью помогать бедным. Город обязан ему, между прочим, своими каменными мостовыми, сделанными из лавы Везувия. Эту лаву итальянские корабли использовали в качестве балласта.

Дом Митрофана Егоровича всегда был доступен для бедняков – в день именин хозяина ворота раскрывались настежь, среди двора устанавливались столы с пирогами и яствами – для всех...

Любил театр, книги, пробовал писать сам. В семье хранили как реликвию его переплетённые письма о путешествиях по России. Их с упоением перечитывал Антон, восторгаясь дядиным слогом, образностью мысли. И всегда с добром вспоминал, как в 1887 году прожил у дядюшки целый месяц: в семье было легко и уютно; никто ни на кого не кричал, никто никого не бил; ребятне предоставлялась полная свобода действий. А своих детей у дяди было четверо.

Самыми потрясающими занятиями были две ловли: рыбная и птичья. А рыболов и птицелов Антоша страстный: изучал повадки живности; сам мастерил снасти, клетки и манки.

Но когда после трудового *"ловитного"* дня шли домой мимо порта, просыпалась ещё одна страсть – воровская! Мальчишки научились ловко прорезать мешки на последних те-

легах проходивших обозов, и счастьем не было предела... *"Набивали нередко полные карманы орехов, баранок, сахарных пастилок. Бывало, конечно, что и попадались, возчики все как черти злые, но мы всегда выворачивались..."*

Как человек верующий, Митрофан Егорович за подобные художества грозил страшными карами на том свете и ругал на свете этом. Но его не боялись, его все любили.

А ещё он устраивал у себя на дому целые молебствия. А ещё, являясь церковным старостой, по доброте своей души охотно крестил многих незаконных младенцев и давал им свою фамилию. Не отказывал и взрослым. Один из крестников – новобранец-еврей. Не каждый решился бы на такое. А вот Митрофан Егорович – мог!

Вот откуда в Таганроге так много Чеховых.

Павел Егорович подобные новородственные связи не одобрял, считал ненужным баловством и призывал брата к строгости, - *"со здоровыми дядьками надо серьёзно! А уж с мальцами – и того подавно! А ты что же? Расхолаживаешь только. Сядут они тебе на голову, помяни моё слово!"*

"Меня маленького так мало ласкали, - скажет Антон Павлович уже в зрелые годы, - что я теперь, будучи взрослым, принимаю ласку как нечто непривычное, ещё мало пережитое".

В 1977 году в бывшем доме купца Моисеева открылся филиал Литературного музея писателя – *"Лавка Чехова"*. Посетителям представлена экспозиция старинного торгового помещения с прилавками, товарами, весами, интересными предметами быта XIX века. Восстановлены также подсобные помещения и жилые комнаты семьи Чеховых.

В столовой – собраны старинная мебель и различные документы того времени. На конторке лежат раскрытые учебники, словно оставленные Антошей. Рядом – один из ранних автографов гимназиста 4-ой ступени Антона Чехова, расписавшегося за отца в получении *"повестки о выборах купеческого старосты"*; сохранившиеся портрет мальчика и натюрморт, написанные Михаилом; рисунки Николая.

Демонстрируются разрешение на постройку дома, выданное Павлу Егоровичу Городской думой и свидетельство о награждении купца Чехова серебряной медалью.

...По Полицейской улице тянулись в порт бесконечные подводы, и этот скрип колёс, гудки пароходов были первыми детскими ощущениями и впечатлениями маленького Антоши. А ещё – плывущие над городом торжественные и одновременно тревожные звоны многочисленных церковных колоколов. Всё это и волновало и пугало; хотелось скорее прибежать к маме, уткнуться в её тёплые руки...

Самые нежные и добрые ощущения раннего детства связаны с матерью. Ласковая, тихая, приветливая Евгения Яковлевна несла на своих плечах всё домашнее хозяйство, обстирывала и обшивала многочисленную семью, окружала всех своей заботой. Она жалела не только родных и близких, но и знакомых и незнакомых; правых и неправых; добрых и злых. Она жалела пташек и букашек, цветы и деревья, и такую же любовь ко всему живому, требующему защиты, внушала детям.

"Я помню, - вспоминала дочь, - с каким интересом мы слушали её необыкновенные, исполненные поэзии рассказы. На фоне внешней суровости отца материнская забота и нежное отношение к детям воспринимались нами с особой остротой и горячей признательностью".

Она поднимет на ноги сыновей: Сашу, Колю, Антошу, Ваню, Мишу и дочь Машу. И на всех хватит любви и жалости.

Это редкое чувство чужой боли, которым владела её поэтическая натура, щедро впитал в себя будущий врач и писатель. Он будет всегда с готовностью лечить душу и тело человеческие...

Одарены были все дети Евгении и Павла Чеховых. Александр и Михаил – неплохие беллетристы, Иван – выдающийся педагог, Николай и Мария – превосходные художники. Тяжёлые условия жизни подавили Александра и Николая: оба сгорели от пьянства. Антон же рано почувствовал необходимость противодействовать мещанской среде. Участь братьев навсегда осталась кровоточащей раной.

...Евгения Яковлевна научила маленького Антона читать, писать и считать.

А искусству торговли обучал Павел Егорович. В то время в Таганроге торговые склады, конторы, крупные магазины принадлежали богатым грекам. Чтобы попасть к ним на службу и *"сделать хорошую карьеру"*, надо было знать греческий язык. Поэтому Павел Егорович отдал сыновей не в гимназию, а сначала в *"грецкую школу"*.

УЧЁБА

Не зная ни языка, ни программы школы, ни её порядков, ни внутренней её уродливой жизни, отец в простоте душевной верил, что если его сын выучит какой-то таинственный греческий синтаксис, то дорога этому сыну в заманчивую контору Вальяно или Кондонаяки будет открыта наверняка настезь.

Даже по тем временам сие заведение всерьёз принимать было нельзя. Никакой педагогической системы преподавания и воспитания в ней не существовало. В школе было пять классов и шестой – подготовительный. Все они помещались в одной грязной комнате. За партами сидели ученики от шести до двадцати лет. В большинстве своём это были *"уличные"*, которых *"привели грызть гранит науки просто потому, что дома они всем осточертели"*.

Учебным процессом заправлял единственный преподаватель, он же директор, Николаос Вутсинас. По-русски изъяснялся с большим трудом, и единственным талантом данного педагога было изобретать для своих учеников всевозможные наказания.

С первого же дня братья Чеховы возненавидели школу вместе с её директором и с её порядками. Конечно, ни о каком обучении речи не было. За год учитель два раза пытался показать что-то *"Антониосу Тсехофу"*, но дальше попыток дело не пошло.

Ничего не подозревающий Павел Егорович, бдительность которого была притуплена похвалами директора (не стал же бы Вутсинас терять 25 рублей в год за каждого учени-

ка!), решил как-то на святках похвастаться перед гостями успехами сыновей. *"Гости изъявили желание послушать и, как водится, приготовились заранее похвалить из вежливости прилежных деток. Но вместо ожидаемого эффекта получилось полное огорчение для родительского сердца. Коля ещё кое-как прочёл по складам два слова, а Антоша не мог сделать даже этого и только горестно пыхтел от напряжённых усилий. Павел Егорович был поражён:*

- Полгода ходите в школу, а даже читать не научились?

- Нам в школе ничего не рассказывают, - оправдывались мальчишки.

Павел Егорович обвинил детей в лени и тут же, при гостях, сделал очередной выговор. Коля и Антоша ушли спать в слезах".

Полным и окончательным провалом для братьев Чеховых в греческой школе стали весенние экзамены. С мечтами о богатых торговых конторах пришлось расстаться и согласиться с давним желанием Евгении Яковлевны – отдать детей в гимназию: она и к дому ближе, да и учить будут как-никак по-русски.

Осенью 1868 года Антошу и Колю Чеховых отвели в подготовительный класс Таганрогской мужской классической гимназии. Брат Александр поступит годом раньше, станет блестящим учеником и окончит курс с серебряной медалью. Учителя не переставали восхвалять способности Саши.

Возможно, эта ранняя *"звёздность"* испортила славного, в общем-то, мальчика. Он превратился в абсолютно неуправляемого и болезненно самолюбивого бунтаря.

А вот Николай – противоположность, учился с ленцой, был очень пассивным. Но, как скажет впоследствии драматург: *"При полном несовпадении характеров жизненный путь совпал полностью: мои старшие братья спились..."*

Кто его знает: может, истоки этой трагедии были заложены ещё в детстве...

Позднее в гимназию определили и младших. Мало того, все юные Чеховы получали и домашнее образование. Приходили учителя французского языка и музыки.

Павел Егорович в очередной раз поменял жильё. Он решил построить роскошный особняк с тремя парадными подъездами, с флигелем, с колоннами. Но капитала не хватило, проект оказался слишком дорогим. В конце концов был выстроен скромный кирпичный дом, а для покрытия расходов пришлось половину сдавать внаём. Снова большое семейство оказалось в тесноте.

Но зато новый дом был окружён чудесным абрикосовым и вишнёвым садом. С весны уроки готовились уже только на зелёной травке.

Антоша Чехов в гимназии никак не выделялся. В третьем классе был оставлен на второй год; два раза оставался в пятом. От занятий отрывали бесконечные спевки в хоре. Не способствовали успехам и дежурства в холодной лавчонке. А когда дела Павла Егоровича стали ухудшаться и начались денежные затруднения, пошли вынужденные пропуски. Частенько бывало так, что на очередной взнос платы за обучение денег не было, а к занятиям в таком случае не допускали.

Кроме того, когда в 1873 году в Таганроге открылись бесплатные ремесленные курсы, где после занятий могли обучаться гимназисты, Павел Егорович послал туда своих сыновей, полагая, что *"ручное дело"* всегда даст верный заработок.

Директору гимназии было подано заявление с просьбой допустить к обучению ремёслам: Ваню – переплётному, Колю и Антошу – сапожному и портняжному. Двухлетнее посещение курсов, не давшее видимых результатов, всё же не осталось бесследным – термины сапожной и портновской профессии использованы в рассказах Чехова необычайно точно.

И всё же главное несоответствие реальной жизни и учебного процесса состояло в том, что, – какой бы авторитетной гимназия ни была, какое бы отменное образование ни давала, – система обучения и насаждаемые порядки любви к школе не прививали. Напротив, у наиболее вдумчивых, живых ребят они вызывали стойкое, с великим трудом преодолеваемое отвращение.

Воспитание в гимназистах покорности и безропотности было в 1870-х годах продумано гимназическим начальством до мелочей. Окошечки, сделанные в дверях классных комнат наподобие тюремных глазков, позволяли надзирателям следить за учениками и отправлять нарушителей в холодный карцер. Увольняли либерально настроенных учителей, заменяя их более "благонамеренными", из библиотеки изъяли сочинения В.Г.Белинского.

И, хотя гимназия не "грецкая" школа, изучению "мёртвых" языков всё равно уделялось такое внимание, что даже очень благонамеренный учитель – историк таганрогской гимназии Филевский – характеризует её жизнь в конце 60-х и начале 70-х годов как время "самого строгого школьного режима... Самого беспощадного господства классицизма. Две или три ошибки в греческом или латинском переводе исключали возможность получить удовлетворительную отметку на экзамене... Неумеренные ревнители, вырывая плевелы, повырывали и лучшие колосья. Даровитых, выдающихся учеников не стало, как сквозь землю провалились. Были вопиющие примеры. Четвёртый класс имел 42 ученика, а через два года под прессом древних языков осталось только 16".

...Вот таких 11 лет. И всё это под расцвет самого откровенного взяточничества. Причём, грек Зико, например, не просто брал, а ещё и наставлял цинично: "Тебе хорошо, мне хорошо... Справедливость и скромность – это пустяки. Первое дело – деньги".

Через годы, в "Человеке в футляре" промелькнёт: "То был исправительный батальон, только с заменой палок и розог греческими и латинскими выражениями".

Антон выдержал, прошёл через эти арестантские роты...

Дети во все времена дети; и нескончаемым каверзам, непослушанию и вранью предела, естественно, не было и в таганрогской гимназии. Но вот, по свидетельству друзей Антона, он в общих шалостях не участвовал, а тем более, никогда не затевал их первым. Он очень близко принимал к сердцу боль и страдания другого человека, остро реагиру-

вал на обиду и несправедливость, спешил на помощь пострадавшим. Его душа противилась злым выходкам.

Со всеми он был искренен, добр, сердечен, "но исключительной дружбой его никто похвалиться не мог. Несмотря на общее к себе расположение, Чехов всё-таки производил впечатление человека, ушедшего в себя. Нравилось быть особенным".

Собственную независимость Антон отстаивал и в отношениях с учителями.

Сохранились упоминания о том, как юный Чехов сумел в довольно серьёзном споре отстоять соученика (гимназическое начальство собиралось отчислить мальчика из еврейской семьи).

Он часто спорил по поводу изучения русских классиков. Однажды, уже будучи известным писателем, весело рассказывал: *"Недавно, перебирая бумаги в сундуке, я нашёл сочинение, писанное мною в шестом классе... Без преувеличения скажу, что и сейчас не написал бы на эту тему чего-нибудь лучшего. А Мальцев поставил мне обычную мою "тройку"..."*

Одно из двух: либо Мальцев, который вообще-то был довольно опытным педагогом, действительно не смог по достоинству оценить юный талант; либо посредством *"тройки"* пытался заставить своего ученика думать и писать как все...

А у него *"как все"* не получалось!

А отличных оценок у Антоши больше всего было по предмету, именуемому *"Закон Божий"*, т.к. в родном доме сей науке обучали с пелёнок. В гимназии преподавал протоиерей Покровский – отец Фёдор – очень эрудированный и талантливый человек, интересный собеседник. На уроках Покровский меньше всего занимался преподаванием закона, а рассказывал о книжных новинках, истории, современных событиях, знакомил с прессой. Именно Покровский наградил своего ученика смешным прозвищем *"Антоша Чехонте"*, впоследствии ставшим первым литературным псевдонимом. Он вообще славился способностью давать меткие определения, и многие таганрожцы считали его очень язвитель-

ным, неискренним и жестоким. А вот Чехов и через много лет будет с теплотой отзываться о своём законоучителе и всегда присылать свои книги с дарственными надписями.

(К сожалению, Покровский оказался абсолютно недально-видным. Именно ему, отцу Фёдору, принадлежит известная фраза о братьях Чеховых: *"Из старшего – может быть, ещё что-нибудь и выйdet, а уж от двух младших ждать ровно ничего нельзя"...*)

А Антон (который учился на портного) вместо гимназической формы мог, к примеру, явиться на занятия в брюках какого-либо немыслимого цвета. Ему, само собой, влетало, но в подобных вольностях он продолжал упорствовать.

Даже странно такое слышать о необыкновенно вежливом и послушном мальчике. Вероятно, это была та самая своеобразная самозащита, нежелание быть, думать и писать как все!

Ощущение неудовлетворённости провинциальной обывательской жизнью и мечта возвыситься над ней выплёскивались в такое глупое бунтарское поведение. Вероятно, это и было началом *"выдавливания из себя по капле раба"...*

И, всё-таки, обстановка и нравы в таганрогской гимназии несколько отличались от других учебных заведений, особенно центральной России!

Здесь было несколько свободнее, раскованнее, либеральнее, проще, что вытекало из общего стиля торгового города. Отношения учителей и учеников, как ни странно, зачастую носили панибратский характер.

Рассказывая о жестоких порядках московской ученической жизни конца 70-х годов, Михаил Чехов отмечал в своих воспоминаниях: *"По-видимому, этот террор не дошёл ещё до юга"*.

А у того же Антона – то ли серьёзно, то ли иронично – как-то вырвалось: *"А как свободно дышится в наших южных гимназиях!"*

Вот такие противоречивые оставлены нам воспоминания и о семейном укладе, и о гимназической жизни.

Но, как бы то ни было, гимназия дала вожделенный аттестат зрелости, открывавший дорогу в университет.

ТЕАТР

Несмотря на жизненные невзгоды, материальные трудности и постоянную занятость, братья Чеховы находили время для веселья и отдыха. В моде было увлечение театром. Посещать сей храм искусства гимназистам категорически воспрещалось. Только в праздничные дни, да и то по специально испрошенному разрешению. А выдавали его далеко не каждому

Но найдите ученика, который не найдёт способа обойти дурацкие указы школьного начальства!

Сам Чехов объясняет так: *"Всего-то и делов было: форму снял, усы и бороду нацепил – и красота!"*

Вряд ли контролёры были так наивны, чтобы не распознать даже загримированного гимназиста; скорее всего, срабатывал главный принцип: продать как можно больше билетов. А разбираться: гимназист, не гимназист – это проблема гимназии.

А гимназист Чехов даже был вхож за кулисы...

...Заглохшая аллея вела к круглой беседке с колоннами. Её сложили из грубого камня, колонны выглядели неуклюже, но от беседки веяло чем-то трогательным. Внизу прибой с негромким плеском подмывал глинистый берег, а когда ветер дул из степи, вода отступала и открывала грязное морское дно.

В те краткие минуты отдыха между занятиями в гимназии и дежурствами в лавке Антоша прибегал в эту беседку... И вспоминал минуты самого большого счастья в своей жизни.

Антону Чехову исполнилось 13 лет, когда он впервые попал в театр.

Давали оперетту *"Прекрасная Елена"*. Декорации в провинциальном театре были не ахти. Небо морщинилось, античные колонны по цвету не отличались от грязных стен

гимназии, луна смахивала на большую аптечную склянку. Но эти небо, колонны и луна казались Антоше верхом совершенства.

С тех пор на третьем уроке он думал только о том, что сейчас в коридоре появится Жорж.

Жорж был человеком необыкновенным. Разносчиком восторгов. Работа его заключалась в том, чтобы ходить по улицам с ведёрком в одной руке и большой кистью в другой и расклеивать на заборах листы разноцветной бумаги. Театральные афиши!

К большой перемене Жорж приходил сообщить гимназистам репертуар на ближайшие дни. Если репертуар был интересный, Жоржа качали.

А Антон ловил птиц. Когда удавалось продать на базаре щегла, радости не было предела. Он копил каждый грош.

Мелкие домашние разговоры, хамство покупателей, жестокие наказания отца и его бесконечные попреки, холод в лавке, окрики преподавателей – всё это теряло своё значение для юного Чехова, если в кармане у него лежал театральный билет.

Он жил теперь, никогда не забывая о театре; в театре же забывал обо всём

До театра от дома было далеко; и Антоша очень переживал каждый раз, что из-за ежевечерних отцовских чтений он опоздает к началу.

Наконец Павел Егорович свои читки заканчивал, и Антоша выскальзывал в темноту длинной и глухой улицы.

Билеты на галёрку продавались нумерованными. Чтобы захватить первые места, он и старался прийти как можно раньше. По узкой деревянной лестнице пробирался наверх, к выходу на галерею и садился на пол у запертой двери.

Понемногу набиралась публика – приказчики с Нового базара, барышни в сатиновых кофточках, молодые конторщики с выражением самодовольства на лицах. Гремел замок, двери раскрывались – и Антоша первым вбегал на галерею. За ним с криком и топотом неслась толпа и мгновенно захватывала все места. Передние напирали на задних, обдавая друг друга острыми, как нашатырь, запахами

дешёвых духов и ваксы. Девушки негромко повизгивали. Пол усеивался шелухой подсолнухов.

Тесно прижатый со всех сторон к барьеру, Антон с нетерпением ждал начала представления.

Но театр был ещё пуст. Горел один газовый рожок, и в его мертвенном свете партер казался большой унылой ямой. Сквозь занавес доносился приглушённый стук молотков по дереву и неясные голоса рабочих.

Но вот в зале возникал лёгкий гул, и, казалось, от него вспыхивал свет, озаряя потолок, по которому летели бело-розовые музы, трубя в тонкие и длинные серебряные трубы.

В ложи, шумно двигая стульями, входили богатые греки. Из боязни потерять своё место, Чехов не отходил от барьера, а только низко опускал свою большую стриженую голову. И поднимал лишь тогда, когда театр погружался в темноту и со сцены раздавались слова пьесы... Начиналось великое таинство.

Всё остальное в этом мире своё существование прекращало.

...Занавес с лёгким стуком касался пола. Конец? Какая жалость!

В затуманенном зрительном зале снова ненадолго вспыхивали газовые рожки.

Из театра Антоша уходил принцем Гамлетом, кавалером Риппафрата, провинциальным актёром Львом Гурычем Синичкиным...

А дома не звонил в дверь, а стучал воображаемым молоточком из старинной бронзы.

"Рокамболь" или "Мирандолина" ничем не напоминали знакомый таганрогский мир и потому очень ему нравились. Он этот мир не любил, но полюбил пьесы Александра Островского. В Диком, Силине, Мурзавецкой чётко узнавалась подлость и жадность всех этих приказчиков, купцов и стряпчих, с которыми он встречался каждый день. И не переставал восхищаться талантом русского драматурга!

На представлении комедии *"Без вины виноватые"* судьба матери и сына так взволновала Антошу, что он не выдержал и заплакал.

Кулисы открыли юному Чехову и многие другие неизвестные имена.

Надолго запомнилась пьеса *"Хижина дяди Тома"*.

"- Том! Твоя рука ещё сильна! – с пафосом восклицал он, положив руку на плечо товарищу".

Воспоминания о театре, обо всех этих спектаклях, трагических, весёлых, мелодраматических, смешивались в его душе в нечто пёстрое, живое и своё, близкое.

Антону очень нравилось произносить чужие речи и двигаться чужой походкой, хотелось жить той удивительной жизнью, какой живут артисты... Как-то переоделся нищим, и ему подавали милостыню. Он гордился этими медными монетками, точно медалью, пожалованной лично императором! Его игра даже на суровом лице Павла Егоровича вызвала подобие улыбки. Он и в самом деле обладал какими-то тайнами этого древнего актёрского ремесла.

Но больше всего ему хотелось сочинить что-нибудь самому. Этакое необыкновенное! Мечталось, что его произведение будет известно всему Таганрогу, а глядишь, чем чёрт не шутит, и Санкт-Петербургу...

Вот столичные знаменитости выходят на поклон, публика требует автора! А он сначала будет отказываться, а потом скромно выйдет и скажет: *"Моей заслуги тут нет, и сюжет, и характеры подсказали мне вы, дорогие зрители."* А потом...

Что будет потом, воображение представлять боялось.

А пока он потихонечку писал небольшие сценки и обозрения из таганрогской жизни. Сценки эти записывались в особые тетради и подписывались *"Антоша Чехонте"*.

Родители школьного товарища Андрюши Дросси разрешали устраивать небольшие любительские спектакли. Молодёжь создала настоящий театр.

Кретоновый занавес с наклеенными попугаями и большой жар-птицей разделял гостиную на сцену и партер. Боковые

комнаты превращались в артистические уборные. В небольшом стенном шкафу хранились костюмы, парики, старые шторы, веера, пистолет с заржавленным курком, жжёные пробки, пожелтевшие кружева. Сюда же прятали утащенные из кухни пирожные, чтобы после окончания действия устроить пир!

У входа в гостиную за столиком сидел кассир и через воображаемое окошко выдавал билеты: белые в партер, то есть в гостиную, серые на галёрку, то есть в переднюю.

"Запоздавшим зрителям кассир с небрежным торжеством говорил:

- Партер весь продан! Остались только боковые..."

Антоше интереснее всего было почему-то исполнять какую-нибудь маленькую роль – например, выходить на сцену с зажжённой свечой для того, чтобы первый актёр труппы мог, запечатывая конверт, наслаждаться настоящим трескучим кипением сургуча, забыв на мгновение о своей роли.

...Видимо, уже тогда Антон знал, что система Станиславского будет ему близка...

На спектакли приходили знакомые семейства Дросси – богатые греки и итальянцы, садившиеся на составленные в ряд стулья всё с тем же видом превосходства, с каким занимали они места в своих ложах на оперных спектаклях городского театра.

В передней толпились горничные, повар, казачата.

В комнате для артистов гордо появлялся Антон Чехов.

От него пахло лошадьми, так как одним из любимых занятий в доме Дросси было бегать на конюшню и помогать кучеру Филиппу...

С волнением зажигали дети большие керосиновые лампы: не раз во время представления и артисты, и зрители вздрагивали от треска лопнувшего стекла.

Сценический репертуар был самый разнообразный. *"Сегодня ставили оперетту "Дочь второго полка", и одетая в гусарский ментик гимназистка пела, подражая манерам заезжих итальянских певиц:*

Полк за мной!

По-олк з-зы-а мно-о-ой!"

А в следующий раз разыгрывали уже "Лес" любимого Островского, и Чехов подавал реплики Несчастливцева.

Иногда ставили и пьески Чехова, в которых зрители частенько узнавали самих себя. После спектакля молодой драматург эти пьески безжалостно уничтожал.

В театре дома Дросси, как и во всех театрах, артисты кланялись снисходительному партеру, в то время как аплодировала им галёрка.

"На одном из спектаклей кухаркина дочь Лиза, взволнованная непонятным, но таким чудесным и захватывающим зрелищем, упала в обморок.

Антон, забыв о своей роли, закричал:

- Дайте скорее капель!

Капель в доме не оказалось, и он побежал в аптеку, стирая на ходу намалёванные жжёной пробкой усы. С тех пор Лиза, встречаясь с Антоном, каждый раз почему-то краснела".

Театр Таганрога, как, собственно, и везде в России, находился в частных руках. И далеко не всегда взгляды хозяина совпадали со взглядами актёров. Трагедии, разыгрываемые на подмостках, казались жалкими водевилями в сравнении с трагедиями реальными.

Покончила с собой артистка Славина, умер в нищете артист Щеглов... Иногда от страшной духоты исполнители падали в обморок прямо на сцене, не говоря уж о зрителях. Чехов с горечью будет рассказывать Станиславскому об антрепренёрах-авантюристах, которые *"в угоду кассе могли из двух-трёх пьес сострять одну. Причём отменно пре-скверную!"*

И потихоньку у будущего драматурга начнёт складываться критическое отношение к подобной театральной жизни.

Нет! Театр – это свобода! И когда он станет артистом или писателем сам, то всё будет делать иначе!

А потом Антоша серьёзно заболевает. Выздоровление будет долгим. Лечивший его гимназический доктор Штремпф во время многочисленных визитов рассказывал о своей молодости и учёбе в Дерптском университете.

И Антон решил, что тоже поедет в Дерпт и сделается врачом.

Он сделается врачом, но только после Московского университета.

И с первого курса начнёт печататься в столичных журналах.

А до этого ещё проживёт три года в Таганроге совершенно один. Семья оставит 16-летнего мальчика.

ВЗРОСЛЕНИЕ

Можете представить себе, уважаемый читатель, как бы Вы сегодня, в 2004-м году, оставили Ваше 16-летнее чадо на три года одно-одинёшенько, а сами уехали в Москву? Да в страшном сне не приснится! А вот сто лет назад – смогли, да ещё и возложили непосильный груз...

Остаётся только молча удивляться.

Отец разорится, и Антон, чтобы выжить, начнёт давать частные уроки.

И, наконец, появится время читать. Читать много и жадно.

Если театр был страстью чеховского детства, то книги были любовью чеховской юности. Он очень рано научился судить о книгах метко, но холодно. Слезы, пролитые над раскрытой страницей, ему незнакомы. *"Хижина дяди Тома"* теперь казалась подсахаренной розовой водицей. Сам он отмечал, что его *"любовь к книге была искренней и глубокой, но преждевременно спокойной"*.

В библиотеке требовали залог в два рубля. Внести их было очень трудно. Утешало одно: летом перед отъездом куда-нибудь на каникулы он всегда сможет получить деньги обратно. На два рубля можно было доставить себе множество радостей.

Но ещё больше радости доставляла Антону библиотечная квитанция.

Этот маленький листочек делал его в собственных глазах очень взрослым и солидным.

Чудом сохранилась библиотечная карточка Чехова: отмечены имена Тургенева, Гончарова, Сервантеса. Читал он и демократов: Герцена, Белинского и Добролюбова.

А ещё в библиотеке встречались не только *"хорошенькие, но и умненькие барышни-читательницы"*.

А у лучшей половины человечества Антон пользовался успехом всегда. Правда, в Таганроге, выбор хороших и умненьких барышень был невелик.

То ли дело в столице!

Но это пока только в романтических грёзах юности!

...В середине 70-х годов в Ростов-на-Дону провели железную дорогу. Город сразу начал набирать вес.

А Таганрог своё прежнее значение потерял. Разорялись мелкие лавочки.

Павел Егорович Чехов был принуждён бежать от долговой тюрьмы.

К этому времени в Москве обосновались старшие братья Антона: Александр поступил в университет, Николай – в Училище живописи и ваяния.

К ним-то и переехал отец. Определился конторщиком в купеческий амбар.

Вот так, разом порушились все мечты... *"Переживает Павел Егорович страшно, совсем изменился, ни к чему охоты нет"*, - писала Евгения Яковлевна. Вскоре и она с младшими детьми отправится в столицу.

В Таганроге останется один Антоша заканчивать гимназический курс. *"И только с этого времени, - вспоминает Александр, - начались для него новые дни, и он вздохнул свободно"*.

Свобода – это так замечательно!

Трудности его мрачным не делали: он пишет весёлые письма родным, в посылку вкладывает дверную петлю и бублик.

И читает в ответ: *"Мы от тебя получили 2 письма, наполненные шутками, у нас в то время только было 4 коп. ...У Маши шубы нет, а у меня тёплых башмаков, сидим дома, заработать – машины швейной нет... В холодной комнате спим на полу...А завтра 26-го, где хочешь бери, а надо за квартиру 13 руб., а то хозяин скажет ищите фатеру"*.

Это пишет совсем отчаявшаяся мать.

Семья Чеховых в Москве была на грани нищеты.

Антону в Таганроге приходилось не только заботиться о себе, но и стать добытчиком. Он продавал оставшиеся вещи и посылал деньги родителям.

И в Таганроге у него в разгаре литературная деятельность.

В письмах старшего брата, в отрывочных мемуарных записях современников упоминаются многочисленные юношеские произведения: стихи, рукописный журнал *"Заика"*, драма *"Безотцовщина"*, юмористические *"безделушки"*. Часть из них была опубликована.

"Анекдоты твои пойдут, - писал из Москвы Саша, сегодня я отправил в "Будильник"...две твоих остроты...Присылай побольше коротеньких и острых".

И он старается! Ведь никто не мешает!

Хотя: *"Чай пить некогда...все удовольствия и связи мира забыл в это полное треволнений времечко"*.

В 16 лет он остался один, без денег, в чужом доме.

Хуже всего было то, что дом этот только недавно стал чужим. Воспользовавшись стеснёнными обстоятельствами своих квартиродателей, путём ловких махинаций его присвоил бывший жилец Г. П.Селиванов.

Чтобы как-то выжить, Антон Чехов давал уроки отстающим ученикам. Причём отправляться приходилось в разные концы города, а извозчики были непозволительной роскошью. Но вырученных денег не хватало. Стиснув зубы, по-

шёл на новое унижение – за стол и жильё нанялся репетитором в семью нового хозяина. Он готовил племянника Селиванова – Петю Кравцова – в юнкерское училище.

Три года, проведённые в Таганроге совершенно самостоятельно, – очень интересный и значительный период в формировании морального и творческого облика будущего писателя с мировым именем. Юному Чехову пришлось слишком хорошо понять, что такое человеческая низость.

Тайное припрятывание остатков товаров в конюшне; возня соседей и родственников вокруг разорённого дела; стремление их выхватить из рук отца всё, что можно выхватить; сам отец, бегущий от долговой тюрьмы; переговоры с ростовщиками; предательство человека, называвшего себя *"членом семьи"*; бессилие матери; необходимость начинать новую жизнь, одинокую и суровую, – всё это навсегда запало ему в душу.

Правда, до полной нищеты не дошло. Ту нищету, которая заставляет считать копейки, состригать бахрому на брюках и спать на полу вповалку – нищету унижающую – Чехов застал уже в Москве.

А в годы детства и юности всё было иначе. Отмечаемое всеми мемуаристами почти маниакальное стремление модного молодого драматурга к изяществу и аккуратности заложено в патриархальной купеческой семье.

И таким аккуратистом он умудрялся оставаться даже в таких тяжких условиях.

А какая неуёмная энергия! Всё буквально кипело!

Антон хватало и на учёбу, и на театр, и на репетиторство, и на дела по ликвидации *"гнезда"*, и на литературные занятия, и на посещение библиотеки. А ещё он умудрялся брать уроки танцев!

Но самое главное – это посещение городского сада.

Сад был популярен даже зимой – там устраивали каток. А уж летом!

Имелась в саду *"гимназическая"* аллея – она же *"аллея вздохов"*. Здесь завязывались все гимназические романы.

По некоторым, очень туманным сведениям первой любовью Чехова была девушка-гречанка. Но по отношению к дамам он всегда был джентльменом. Мы почти ничего не знаем о его юношеских увлечениях. Единственное, что следует из его писем: романы были очень жизнерадостны!

Но всё равно, ничто не могло пересилить самого главного желания – как можно скорее попасть в Москву!

Побывал в гостях у семьи на Пасху – и желание переросло уже в жгучую страсть. Делится мыслями с родителями и получает в ответ от отца: *"Ты пишешь, что плохой Таганрог. А я скажу, что в нём найдёшь больше справедливости и откровенности, чем в Москве..."*

Но юность не слышит советов. Москва! Только Москва!
...Так же будут рваться в столицу и его *"Три сестры"*!

Летом 1879 года, сдав выпускные экзамены и получив увольнительное свидетельство для поступления в университет, Антон Павлов Чехов уедет в первопрестольную.

Москва встретит хмуро и неласково.

...Впредь в городе у моря он будет уже только гостем...

А, уже достаточно повидав, через годы, скажет своё знаменитое: *"Куда бы я не поехал – за границу ли, в Крым или на Кавказ – Таганрога я не миную"*.

СОДЕРЖАНИЕ:

Город.....	4
Семья.....	9
Учёба.....	19
Театр.....	25
Взросление.....	31